

Протоиерей
Артемий Владимиров

Искусство словесного служения

Размышления
священника

*Искусство
словесного
служения*

Протоиерей
Артемий Владимиров

Искусство
словесного
служения

Размышления
священника

Артос
Москва 2010

УДК 271.22(470+571):808.5
ББК 86.372+81.2-5
А 85

ISBN 978-5-94119-045-4

*Разрешено к печати
Издательским Советом
Русской Православной Церкви*

Артемий Владимиров, протоиерей

Искусство словесного служения. Размышления
священника / Протоиерей Артемий
Владимиров. — М.: Артос, 2010 — 88 с., ил.

Книга протоиерея Артемия Владимирова «Искусство словесного служения» адресована в первую очередь пастырям, педагогам, катехизаторам, а во вторую — христианским политикам, дипломатам, адвокатам и всем, кто обращается с публичной речью к живой аудитории. Размышление о законах восприятия слова, о способах обретения собственного стиля, о художественных средствах выражения мысли — главное содержание книги.

Повествование выдержано в традициях русского литературного языка и может послужить для читателей отправной точкой словесного служения людям.

© Протоиерей Артемий Владимиров

ISBN 978-5-94119-045-4

Вместо предисловия

Есть дивная закономерность в появлении этой книги, возникшей на кончике пера вдохновенного и многоопытного проповедника протоиерея Артемия Владимировича, которого благодарные слушатели и читатели уже много лет между собой называют «златоустым».

Бог создал мир Словом Своим: *Яко той рече и быша, той повеле, и создашася* (Пс. 32, 9), Сам Бог-Слово «плоть бысть» (Ин. 1, 14). Но и человека Он сотворил существом логосным, словесным. Однако человек искривил пути свои, и, кажется, вот-вот он вовсе утратит этот свой «генотип», своё основное свойство, отличающее его от животного мира.

Ведь современный человек живёт среди пустых, мёртвых, утративших своё значение слов — слов, не несущих в себе никакой реальности и утративших свой смысл: соли, потерявшей свой вкус! Он попадает в плен самообразующихся словесных систем, за которыми не стоит бытие. Он ста-

новится жертвой фантома — лукавого празднословия. В своём пределе — такое существование без сущности можно сравнить с состоянием ада. И ведь именно от этого предостерегает нас преподобный Андрей Критский в «Покаянном Каноне»: «Бегай запаления, о душе, бегай содомского горения, бегай пламене всякого бессловесного желания».

От этого предостерегает и отец Артемий, призывая вернуться и прильнуть к своим национальным и религиозным корням. К тому языку, который является даром Божиим и на котором человек с дерзновением беседует со Словом Воплощённым. Это Слово возвращает словам исконный смысл и реальность.

Книга отца Артемия обращена и к его собратьям — священникам-проповедникам, но также и к мирянам, ибо всякий христианин по самому званию своему является миссионером и должен, как писал апостол Пётр, быть всегда готовым *всякому, требующему у вас отчёта в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением* (1 Петр. 3, 15).

Тут автор опирается на свой собственный многолетний опыт общения с прихожанами и с аудиторией и даёт тонкие и деликатные советы: «гораздо мудрее делиться духовным сокровищем, нежели нарочито назидать», «разумно говорящий более всех назидает самого себя», «нельзя идти по проторенным дорожкам, подменять живое слово раз навсегда заготовленными матрицами», «необходим элемент экспромта, а значит, и вдохновения».

Но главное — книга написана великолепным русским языком — ароматным и упоительным, пронизана тем мягким юмором, который, как уверяет священник, никогда не помешает доброй проповеди; оснащена художественными образами, которые всегда найдут кратчайший путь к человеческому сердцу; напоена вдохновением и выстроена с тем чувством меры, которое не позволяет мысли растекаться по древу, а делает её содержание чётким, ёмким и при этом — духовно питательным.

*С любовью, поэт, прозаик, эссеист
Олеся Николаева*

Вступление

Разрешите мне, благосклонные читатели, предложить вам малый плод уединённых раздумий о служении людям словом. Слово ныне мало ценится. Его, по большей части, почитают чем-то вроде маскировочного халата, позволяющего удобнее проникнуть на территорию противника (конечно, с целями, небезопасными для последнего). «Одно пишем, два в уме», «понимай наоборот» — так поневоле научена мыслить современная аудитория по причине лукавства говорящих. «Наш век устал от слов», — говорил об ушедшем столетии известный подвижник благочестия. Что же сказать о двадцать первом?..

Не таковым было отношение к слову наших предков.

Слово — святыня, если оно обращено к сердцам слушателей, запечатлённых образом Создателя.

Слово — не пустая оболочка, не шелуха, но мысль воплощённая.

Слово — носитель духовной силы, исходящей из глубин бессмертной души.

Слово помазано благодатью Божией.

Слово обладает зиждительной властью: оно привносит в мир небесные красоты, порядок и меру.

Слово врачует, просвещает, умиротворяет...

Слово имеет крылья.

Прими слово с верой — и обретёшь способность восхождения «во области заочны»¹, туда, «где пребывает правда»², где Сам Бог живёт «во свете неприступном»³ Своей вечной славы.

Принимая это во внимание, нам, современным проповедникам, подобает знать, как приступать к словесному служению, к которому мы призваны. Написанное в этой книге является плодом многолетнего поиска, кропотливых трудов и постижений. Немало было совершено ошибок, неизбежных в любом творчестве, а тем паче — в словесном. Тем не менее, драгоценен опыт, «сын ошибок трудных»⁴, и именно им мне бы хотелось поделиться с вами, дорогие друзья! «За

битого двух небитых дают». Современников «на мякине не проведёшь», «не лыком шит» и наш искушённый читатель... Пусть же ответной репликой тех, кто начнёт читать эту малую книжицу, будет известная и безупречная по смыслу фраза известного литературного героя, у всех остающаяся в памяти спустя многие годы по завершении школьного учения: «Мне скажут дело — и я соглашусь»⁵.

ГЛАВА I

Сокровенная молитва

*Да будут светильники ваши
горящими⁶...*

У святого апостола Петра есть запоминающиеся слова о том, как пред Богом многоценны *потайный сердца человек* и *нетленная красота кроткого и молчаливого духа*⁷... Эти качества, мне кажется, являются определяющими как в

деле словесного служения людям, так и в самом общении с ними. «Сердце сердцу весть подаёт»... Вот прозрение нашего необыкновенно чуткого русского народа о незримом общении душ! Не будем забывать: видит, говорит, действует **душа**, именно она являет себя чрез тело с его многообразными способностями.

Всё, нами телесно совершаемое, одухотворено бессмертной и разумной душой. Слова и поступки — производные трёх сил души: разума, чувств и воли. Последние, в свою очередь, находятся в зависимости от человеческого духа, состояние которого определяет нравственные качества личности. Сокровенная молитва, мысленное призывание Господа Иисуса Христа, покаянное припадание к Его стопам, благодарственная песнь Его величию и прошение о милости Божией — суть достояние нашего духа. Прилежно молящийся человек ощущает благотворное изменение в собственной душе. Светлеет мысль, умиряется сердце, высвобождается из-под гнёта суетных пожеланий воля. Благодать, посредством молитвы осеняющая ученика

Христова, всё упорядочивает и благоукрашает в его внутреннем мире. Вот исходная точка, вот нравственное основание внешнего служения христианина!

Что корабль с поднятыми парусами, при попутном бризе выходящий из гавани в открытое море, то «муж благий», готовящийся после временного уединения войти в общение с людьми, которые ожидают от него пользы и назидания. Пусть тайно молящийся человек и ничего не скажет в обществе, пусть лишь слушает и созерцает происходящее — Бог так устроит, что окружающие Его не останутся без прибитка. *Аще кто благочестив, у того и лице цветёт*⁸, — говорит премудрый царь Соломон. Сушая правда! Молящийся духом необыкновенно прекрасен... Самое невыразительное лицо, с неправильными чертами, чудно преображается и одухотворяется в час молитвы. Неземной покой в очах, с трудом определяемая словом светлость лица, его приятность и приветливость, которые проявляются в тёплой, хотя и скромной улыбке, участливость к ближнему во всяком жесте и движении — вот

далеко не полный перечень достоинств внимательно молящегося собеседника.

Молитвенный дух всего более даёт обнаружить себя в разговоре. Слово такого человека всегда *с благодатью, приправлено солью*⁹ и доставляет назидание слушающим.

Это слово, как правило, бывает ровным и взвешенным, его темп чужд порывистости и судорожности, интонации спокойны и мелодичны. Молитвенно произносимое слово имеет замечательное свойство проникать в самую глубину совести, подобно зерну, падающему в хорошо разрыхлённую землю. Разумеется, всё сказанное отнюдь не означает, что каждый из нас не должен много трудиться, с целью сделать своё слово простым и ясным, тёплым и прекрасным.

Люди черпают неизъяснимое удовольствие для себя в общении с молитвенно настроенным христианином. «И верится, и плачется, и так легко, легко»¹⁰ бывает на душе в час встречи с человеком, для которого постоянная молитва стала воздухом, наполняющим сокровенные про-

сторы души. Участники такого собеседования признаются, как непроизвольно меняются образ и качество их мыслей: уходят из сознания худые помыслы и недостойные мечтания. Сами собою растворяются без остатка тревога, досада, огорчения... Часто множество беспокоящих ближнего вопросов куда-то исчезают, оставляя вместо себя непривычную тишину и внутреннее радование сердца...

Не о сердечной ли молитве прикровенно говорит Господь в обращении к Своим ученикам: *...да просветится свет ваш пред человеками, яко да видят ваши добрые дела и прославят [люди] Отца вашего Небеснаго¹¹?*..

Главное — в том, чтобы, вступая в общение с ближними, нам не растерять мало-помалу молитвенной сосредоточенности души, не рассеяться попусту, уклонившись в многословие, тем паче в осуждение. Сохранить в себе «душу живую» сможет только тот, кто одушевлён стремлением служить людям и говорить им *единое на потребу¹²*; тот, кто многолетним навыком приобрёл искусство «ходить пред

Богом», то есть находиться в Его присутствии и среди многолюдства. Древние сказания говорят нам о мужах высокой жизни, которые и в словесном служении сохраняли священную тишину сердца, не нарушали «иси́хии»¹³ при деятельном служении людям. Безусловно, это недостижимая высота добродетели. Однако разве грех — стремиться к ней или, по крайней мере, печалиться об её отсутствии?..

An impressionistic painting of a landscape. The scene is dominated by warm, textured brushstrokes in shades of orange, yellow, and light blue. In the foreground, a path or road winds through the scene, with a dark, shadowed area on the left that could be a tree or a building. The background is a soft, hazy expanse of light colors, suggesting a distant horizon or a misty atmosphere. The overall style is soft and painterly, with a focus on light and color rather than sharp lines and detail.

ГЛАВА II

Прекрасен лик одушевлённый...

Всегда радуйтесь¹⁴...

Как много нынче вокруг нас печальных и хмурых лиц! Да это и понятно. Сколько бед, напастей и искушений нас окружает! Сама забота о насущном хлебе, подобно короеду, точит и разъедает умы и сердца,

недоумевающие, как обеспечить необходимые, мало-мальски сносные условия существования себе, а главное, детям, о защите прав которых так лицемерно твердят задумавшие разрушить последнюю твердыню нации — семью.

В этой обстановке, в сгустившейся, словно наэлектризованной, атмосфере общественной жизни, всякий обращающийся к людям со своим словом (а особенно служитель Церкви) призван поразмыслить о том, чем оно должно быть наполнено, каким духом пронизано. Убеждён, что неправильно и даже преступно отягощать тяжёлыми впечатлениями и без того измученные души современников, доведённых до крушения всех идеалов, как личных, так и общественных. Нет, проповедник не может уподобляться горьковскому Луке¹⁵ с его «сладенькой» неправдой и самонадеянными попытками «утешать» людей, одновременно сбивая их с толку и уводя от действительности. Правда бывает нелюбимой и потому не всегда приятна для слышания. Однако пусть выразитель её

носит в сердце торжество веры в победу над злом, пусть вспоминает и уподобляется тому всемирному проповеднику христианства, который называл себя *благоуханием Христовым*¹⁶ для приемлющих евангельское слово и призывал своих слушателей *всегда радоваться и за всё благодарить*¹⁷ милосердного Небесного Отца.

На поверку не только дети (чего требует возрастная психология), но и взрослые нуждаются в слове радостном, исходящем из уст одушевлённого (не говорю вдохновенного) собеседника, умеющего не столько назидать, сколько просвещать; утешать более, чем обличать. Приметим, здесь речь идёт не о ложном, искусственном «жизнеутверждающем» пафосе с хорошо отработанной улыбкой на устах и тем паче не о пресловутых шутниках-пародистах с их одуряющими «вечерами смеха». Совсем нет! Соотечественники, сидящие *во тьме и сени смертной*¹⁸ вседозволенностей всякого рода, потерявшие ориентиры в различении доброго и злого, смертельно уставшие от «школы

злословия» и «ярмарки тщеславия», нуждаются в здоровой духовной пище. Эта пища — слово веры, правды и любви! Носитель такого слова да будет прежде его исполнителем... Свидетельствуя о вневременной истине, мы должны со-образовываться **со временем**, то есть учитывать особенности восприятия слова **современной** аудиторией. При этом услышат и примут люди только того, кто говорит и от ума, и от **сердца, живёт по вере**, а потому дышит, дорожит и делится своими убеждениями как величайшей драгоценностью, обладание которой составляет подлинное счастье его собственной души.

Думаю, что награда говорящему за перечисленные качества — одухотворённость его слова. Оно воспринимается как совершенно естественное и подлинное. В нём уже не будет ничего надуманного и искусственного, а потому не заслуживающего доверия. Как солнечный свет несёт с собой жизнь и «радостотворит» (по выражению преподобного Серафима Саровского о Духе Святом) всё, к чему ни

прикасается, так и слово, исходящее от искреннего сердца, способно передавать энергию радости и любви.

Можно и должно раскрывать перед слушателями грозную картину невидимой брани за души человеческие, выводя их на поле сражения (нашего собственного сердца), где, по выражению Ф. М. Достоевского, «диавол борется с Богом». Но насколько важно, чтобы лоцман — возвещающий слово проповедник — знал, как обходить грозящие смертельной опасностью рифы, сам опытно владел искусством сокрушать сатану постом и молитвой, — и потому слово его было бы как *власть имеющего*¹⁹, а не как книжников и фарисеев, богатых головным начётничеством, а не благодатью Божией... Детская преданность Богу, всецелое упование на Его всемогущий Промысл — вот что потребно народному трибуну и православному оратору! Благодарность Господу Богу за всё случающееся и готовность принимать от Его благодеещей десницы и благое, и скорбное — вертикаль, вдоль которой вьётся и устрем-

ляется к небу виноградная лоза — слово проповедующего!

Когда видишь по окончании беседы широко раскрытые радостные глаза собеседников, их воодушевлённый взор, когда осознаёшь, что пролетевшие как один миг часы общения были людям не в тягость, а в радость («счастливые часов не наблюдают»²⁰), тогда с благодарностью Богу убеждаешься, что слово достигло своей цели, будучи само даром, сходящим *свыше, от Отца светов*²¹... Обнажая язвы испорченного грехом человеческого сердца, не будем забывать, что главное — указать на средства врачевания, всегда обретаемые в ограде Матери-Церкви. Описывая всеобщее отступление человеческого общества от Бога и Его непреложного нравственного закона, будем воодушевлять слушателей словом о Невесте Христовой — Церкви. Она неразлучна с Главой и Женихом Своим — Спасителем мира, Который скоро придёт на землю, чтобы воздать каждому по делам Его и ввести боголюбцев в вечерний свет Своего Царствия...

Очень часто раскрытая проповедником тема, беря слушателей за живое, порождает множество вопросов. Отвечая на них, не будем забывать, что невозможно держать аудиторию в напряжённом состоянии слушания в течение 2-3 часов кряду. Вот почему всякий опытный оратор не должен бояться «гоголевских лирических отступлений» в монологической части (впрочем, всегда вовремя и неизменно возвращаясь к главной теме собеседования) и мягкого юмора в своих ответах на предложенные вопросы, связанные с главной темой или касающиеся вовсе посторонних предметов. Шутка — не грех, если она не лишена скрытого назидания! Мягкая улыбка — совсем не то, что уничтожающий достоинство собеседника сарказм или горькая убийственная ирония. Обливать всех «горечью презрения» — вовсе не составляет достоинства оратора. Кипение «возмущённого разума» — не лучшая визитная карточка проповедника. Напротив, умение «милость к падшим призывать»²² и пробуждать словесной лирой в слушающих «чувства доб-

рые»²³ — пушкинский завет всем служителям русского слова. Пусть в этом слове будут сокрыты «и Божество, и вдохновенье»²⁴, пусть оно сполна будет насыщено «слезами, жизнью и любовью»²⁵!..

ГЛАВА III

Победоносное смирение

Ему должно расти, а мне умяться²⁶

Отчего так случается, что иное слово, прекрасное и по форме, и по содержанию, не принимается слушателями? Почему иногда проповедник вызывает у аудитории раздражение и отторжение, несмотря на явные усилия донести до неё содержание своей речи? И напротив, бывает, что слово небезупречное, с точки зрения риторики, ложится на сердце и пробуждает светлые мысли и чувства?

Всё дело **в духовном устройении** говорящего... Если он высокого суждения о

своих способностях (хотя бы и действительно выдающихся), если им владеет сознание своего тайного превосходства над публикой, если, наконец, он желает навязать ей свою точку зрения, не допуская права слушателей на разномыслие, и потому вольно или невольно подавляет их и как будто подминает своим тяжеловесным словом, — конечный результат окажется всегда плачевным. Только не искушённые жизненным опытом юнцы, обыкновенно прельщающиеся всем ярким и броским, клюнут на эту приманку. Люди, знающие цену слову, а ещё более делу, в отрыве от которого слово всегда безжизненно и фальшиво, тотчас ощутят горечь тщеславия и гордыни, отравляющих и делающих непотребными пространные рассуждения и поспешные обещания.

Человеческая личность царственно свободна. В её самовластии проявляется образ Творца, почтившего Своё возлюбленное создание этим чудным даром. Мы не терпим насилия над собой и презираем его, даже если поставлены в печальную необходимость подчиняться узурпатору,

дерзко вторгающемуся в наш внутренний мир, подобно разбойнику, который совершает на виду у всех кражу со взломом. Флюиды страстей — властолюбия, превозношения, презрения, неприязни — пропитывают собою слово, сходящее с уст, подобно стреле с отравленным наконечником, вонзающимся в сердце. Как правило, перечисленные нами пороки бывают хорошо завуалированы, внешне неприметны, однако вскоре распознаются духовными чувствилищами слушателей, как вино с горчинкой дегустатор определяет по его послевкусию. Хорошо об этом говорит святой царь Давид в одном из своих боговдохновенных псалмов: *...умякнуша словеса их паче еля, и та суть стрелы*²⁷... «Словесная гортань» отличает пшеницу от плевел: подлинное смирение говорящего всегда плодоносно и обильно назиданием, а самость, гордыня подобны пустоцвету: они дразнят, соблазняют, но никогда не насыщают.

Следовательно, успех слова зависит от устройства души проповедника, укоренённости в его сердце Христова смирения.

Человек, который имеет хоть какую-то опытность в словесном служении, привык ставить себя ниже своего собеседника, укорять за неудачу собственную ограниченность. Он охотно уступает ближним, признаёт их превосходство над собой во многих отношениях и бывает весьма приятен в общении. *Бог гордым противится, а смиренным даёт благодать*²⁸. Она-то и содействует ученику Христову, обильно помазуя его уста и отзываясь действием «хлада тонка»²⁹ в сердцах его собеседников. «Благодать не насилует», по меткому выражению русского народа. Чувствуя её наитие, человеческая душа распаивает створки сердечной клетки и с услаждением принимает небесную гостью, входящую посредством кроткого, чистого и мудрого слова. Это слово несёт в себе радостное чувство новизны, как будто раскрывает перед слушателем необъятные горизонты самопознания. Вместе с тем, облагодатствованная речь принимается как нечто родное, хорошо и давно знакомое человеку. Тайна воздействия её — в присущей каждому из нас тяги к самосушной Истине, к

Предвечному Слову, Которое было изначала и Которое есть Бог. Об этом, конечно же, знал святой апостол Иоанн Богослов, когда писал своим чадам: *Впрочем, помазание, которое вы получили от Него, в вас пребывает, и вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас; но как самое сие помазание учит вас всему, и оно истинно и неложно, то, чему оно научило вас, в том пребывайте*³⁰. Следовательно, главная забота говорящего — **разумно** взывать к *чистому смыслу*³¹ своих слушателей, обращаться к их богодарованной способности различать добро и зло; проповедовать, но не пропагандировать, благовествовать, но не властвовать, не принуждать, не поработать людей словом. Мы призваны **свидетельствовать**, и прежде всего, собственной безукоризненной жизнью, плодом которой бывает осенение христианина благодатью Духа Святого. В наше столь нелёгкое время гораздо мудрее **делиться** духовным сокровищем, нежели нарочито назидать, а тем паче требовать от людей исправления. Пусть слово будет подобно ярко возжжённому светильнику

в руке говорящего. Этот свет, рассеивающий окружающую его тьму, сам по себе настолько привлекателен, что увидевшие его души тотчас устремятся за ним, без сожаления оставляя душные и мрачные темницы умственных заблуждений.

Источник радости для произносящего слово — в готовности расточать свет богопознания и передавать его всем, кто только ни пожелает его принять. Свойство Божественного света — во всегдашнем преумножении его. Имеющий свет разума, чем щедрее раздаёт, тем более сам просвещается. И точно: разумно говорящий более всех назидает самого себя. Ещё долго по завершении словесного служения он будет прислушиваться к собственной душе. Там, в сокровенной келье сердца, слышится звучание глаголов *премудрости, разума, совета и ведения*³²... Они наполняют внутреннее пространство души чудным миром, который является лучшим свидетельством благодати Христовой, вспомоществующей проповеднику в его трудах.

ГЛАВА IV

Словеса Господня, словеса чиста³³...

...А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд³⁴...

Нам выпало жить в век всеобщего оску-
дения. *Умалилась истина от сынов че-
ловеческих³⁵...* Незыблемые, казалось,
прежде устои смещаются со своего осно-

вания. Повреждение нравов отражается и выражается во всех сферах человеческого бытия: культуре, искусстве, языке. Красоту некоторые определяют как гармонию формы и содержания. Когда они распадаются, тогда под ногами homo sapiens'a³⁶ начинается «хаос шевелиться»³⁷... Однако мы, ученики Христовы, — вовсе не заложники, не данники происходящего. Спаситель, даровавший человеческому роду Свой вечный нравственный закон, призывает нас следовать за Ним узким путём восхождения, запрещая **скользить** вниз по наклонной плоскости вместе с *сынами противления*³⁸. Нам заповедано трудничество, подвижничество, ибо иначе, без употребления усилий, невозможно плыть против общего течения. Этот постоянный труд самонаблюдения, покаяния, молитвы, самоукорения, труд поучения в Священном Писании, труд охранения себя от *господствующего в мире растления похотью*³⁹ не может не выявляться в нашем слове. Слово — «лакмусовая бумажка» христианской души! Слово, как конёк (а может быть,

крест), венчает собой стройное здание устоев, привычек, правил, мыслей, начинаний, чувствований подвижника веры. Слово раскрывает тайны нравственного устройства личности.

Но возвратимся непосредственно к предмету нашего размышления. По моему убеждению, всякий, кто дерзает сегодня обращаться с добрым словом к соотечественникам, не может не думать о его форме. Чтобы пояснить свою мысль, прибегну к аналогии. В наши дни нет человека, который не был бы озабочен качеством пищи. Съестное ныне перестаёт быть полезным и питательным по причине множества искусственных добавок, красителей и прочего, и прочего... Умолчим о так называемых «генномодифицированных» продуктах. Все заинтересованы в том, чтобы иметь на столе чистые «яства и питание». Словосочетание «натуральный (природный) продукт» стало в XXI столетии совершенно устойчивым. Не то же ли самое относится к слову, особенно если это не частный разговор, но публичная речь, проповедь? Сердца слушателей ин-

туитивно тянутся к родному, литературному языку, в котором всё прекрасно, возвышенно и выразительно. Этот язык, напитанный «артезианскими живыми» водами церковнославянского, являет себя в никогда неветшающих шедеврах русской словесности, в произведениях Пушкина и Лермонтова, Толстого и Чехова, Тургенева и Есенина... Язык Церкви вошёл в плоть и кровь русского народа, он стал стержневой словесной осью нашего самосознания; он, хотя и пренебрегаемый, преданный многими забвению, остаётся святыней для лучших сынов России. Корни отечественного языкового мышления сохраняются даже у бедных подростков, хотя и под спудом, в латентном⁴⁰ состоянии. «Свято место пусто не бывает». Отвратительный жаргон, перемешанный с площадной бранью, увы, стал достоянием современных митрофанушек, которые «не ругаются», но просто привыкли выражать свои мысли языком обитателей андеграунда. И всё же... Опыт показывает, что чистая русская речь, льющаяся из глубины милующего сердца, не лишённого крыльев

вдохновения, целительна для всех возрастов, которые, как известно, подлинной «любви... покорны»⁴¹. Если только предмет Вашего собеседования оказывается достойным внимания слушателей, с ними на глазах происходят удивительные изменения, под ненасильственным воздействием русского слова. Наши ближние смертельно устали от пошлости и цинизма. Русская нация всегда создала культуру целомудрия и нравственной чистоты. Всепроникающее растление подобно яду, который, будучи потреблён, вызывает рвотный позыв. Родная речь, тщательно соблюдаемая от насилия заимствованных англоязычных слов (введённых в употребление в компьютерном языковом поле), врачует и восстанавливает, подымает мысль и чувства, которые у большинства соотечественников обречены скитаться в смрадном прахе расхожих циничных и нецеломудренных понятий. Зачастую слушатели сами себе не могут объяснить, почему они с такой жадностью пристраиваются к источнику родного живого слова. Чем дольше наше словесное общение, тем большую

готовность слушать обнаруживают и выражают всем своим поведением наши собеседники. В них не заметно ни усталости, ни пресыщения. В чём же дело? Очевидно, слово, как хорошо выдержанное вино, расцветает в сердечных амфорах слушателей благоуханным букетом смыслов и постижений. Оно приносит неведомую или давно забытую радость общения к тому, что мы именуем красотой, истиной и благом и что восходит к Предвечному Слову, в Котором *жизнь и свет человеков*⁴².

Возможно ли обрести такое слово, которое льётся, как «тёплая лазурь на отдыхающее поле»⁴³? Об этом мы поразмыслим в следующей главе. Думаю, существуют только два пути, которые идут параллельными линиями, чудесно смыкающимися в точке, именуемой словесным творчеством.

ГЛАВА V

Созидается град при слиянии двух рек...

*Если пребудете на Лозе,
принесёте плод многих⁴⁴*

Итак, обретение собственного слова, которое, подобно звену, органично вошло бы в золотую цепь русской словесности, — дело трудоёмкое, но увлека-

тельное. *Ты, Господи, благословишь малых с великими*⁴⁵, — молитвенно восклицает царь Давид в своей вещице Псалтири. Помимо всего, он, быть может, указывает на необходимость в любом благом деле учиться у тех, кто достиг «степеней известных»⁴⁶ своим подвижническим трудом. Никто сам собою не выучился ни писать, ни играть на музыкальном инструменте, не овладел каким-либо ремеслом или художеством. Всё требует учительства. Точно так же обстоит дело с письменной и устной речью. Необходим образец для подражания. Плагиат, или лукавое заимствование, постыжает главу лишь того, кто сам себя именует «мэтром, корифеем, законодателем мод». **Ученик** пишет **подражания**, тщательно копирует и незаметно для себя набивает руку, утончает вкус и становится способным творить и созидать, охраняемый от глупого тщеславия смиренным пребыванием под крылами великих мастеров. Эта «таинственная сень»⁴⁷, видимое небо классики, всегда напоминает ему о собственных несовер-

шенствах, которые столь очевидны в сравнении с непревзойдёнными шедеврами учителей. «Терпение и труд», множенные на молитву об успехе, «всё перетрут» в своё время — и неуверенность в себе, и неизбежное волнение, и первые неудачи, которые часто становятся у целеустремлённых подмастерий слова залогом будущих славных побед.

Известно, что **внимательное чтение**, сопровождаемое сочувствием к предмету изложения, вводит душу читателя в круг мыслей автора. Проникаясь убеждениями писателя (замечательно, если перед нами — святоотеческая книга), мы незаметно для себя усваиваем все особенности его стиля, и наше собственное слово обогащается, как будто насыщается изнутри, благодаря инъекции авторской речи. **Книжность, начитанность** — подлинное основание и необходимая предпосылка рождения собственного слога.

Как ни прекрасны и как ни совершенны наши учителя, было бы ошибочно оставаться в отношении к ним копиистами. Ведь человеческая душа уникальна и не-

повторима. Вложив в нас Свой образ, Создатель почтил каждого той инаковостью, которая не сводима ни к какой другой личности. Мы всегда проигрываем, когда хотим «перевоплотиться», совершенно уподобиться другому человеку, почитаемому нами образцом для подражания.

Думаю, очень важно понять и принять, что на почве твоего сердца Бог насадил некое драгоценное семя, которое при неослабных трудах тебе надлежит взрастить в чудесный, прекрасный цветок — с тем, чтобы возвратить его Небесному Отцу в известный лишь Ему Единому час. Это соцветие — дар Божией благодати, многообразно действующей в сердце христианина. Ароматом, исходящим от пестика и тычинок растения, назовём наше слово. Оно, как и обладающий им человек, — неповторимо, ибо запечатлевает свойства богозданной личности.

Слово — это драгоценный камень, алмаз, сокрытый в словесной руде суетных помышлений. Наша задача — выявить небесный дар, извлечь алмаз на свет Бо-

жий через правильное и разумное употребление, ограничить его посредством научения, размышления, молитвы и, конечно, непрестанных словесных трудов, чтобы камень засиял, засверкал всеми своими гранями в лучах Христовой благодати. Нелегко осваивается это поприще, впрочем, как и всякое серьёзное дело, требующее жертвенности, постоянства и целеустремлённости. «Корень учения горек, а плод его сладок»... Поэты говорят, что **необходимо оттачивать внутренний слух и учиться внимать собственному сердцу в поисках верного слова**. Опытные безошибочно узнают его, отбрасывая всё, что оказывается несообразным с врождённым чувством красоты, гармонии и меры.

Не все мы поэты, но каждый из нас может приобрести вкус или сочувствие (а значит, и понимание) к прекрасному слову, имея перед собой образчики этого слова в произведениях великих мастеров. Часто это бывает своего рода сплавом из трудов отечественных духовных учителей⁴⁸ и сочинений русских писате-

лей, сделавших нашу литературу явлением мирового масштаба. Путь к своему слову и слогу строго индивидуален, однако не будет лишним здесь дать рекомендации общего характера.

Во-первых, **не нужно бояться трудов**. Наивно полагать, что без практики человек способен во мгновение ока достичь искомого одним лишь мысленным желанием совершенства. «Без труда не выловишь и рыбки из пруда». Как известно, члены человеческого тела слабеют и отмирают, если оказываются в вынужденном бездействии. Напротив, ежедневное их употребление является первым залогом их жизнедеятельности. Во-вторых, **необходимо приучать себя к тщательности в речи**, добиваться правильного построения фразы, не говорить вяло, небрежно, сознательно не искажать слов и не обрывать предложений. Кратко сказать: **не уродовать и не калечить свою речь**, как это общепринято у нашей молодёжи, сбитой с толку разрушительным духом времени. В-третьих, очень важно **слушать самих себя и оценивать со сто-**

роны, что́ и как мы говорим, ни в чём себе не делая поблажек и себя не убажывая. Критическое отношение к своей деятельности вообще признаётся необходимым элементом саморазвития и раскрытия всех вложенных в нас Богом способностей.

И, наконец, последнее правило — по порядку, но не по значению. **Молитвенное собеседование с Богом**, заповеданное каждому христианину, раскрывает испытующему взору очень высокую тайну. Когда сердце наше дышит молитвой, а она свободно изливается из глубины трепетной души, мы не заботимся о том, чтобы нарочито подыскивать слова и изобретать прошения... Они, как будто сами собой, слагаются в уме, а лучше сказать, восходят на сердце, так что устами словесного младенца в час сокровенной молитвы глаголет Истина. И точно! Святой апостол Павел говорит о совершенных, что Дух Святой *воздыханиями неизреченными*⁴⁹ молится в них и с ними; святые зачастую и не знают, о чём помолются, но лишь прислуши-

ваются к веянию благодати Господней, которая живёт в их очищенных покаянием сердцах. Мы слабые и грешные люди, однако закон жизни во Христе приложим и к нам. Рождение в нас слова — двуединый процесс! В нём действует благодать Господня, но не остаётся безучастным и человек. Последний мыслит, припоминает, молит, а Бог Своей творческой десницей, вещим Своим перстом неизъяснимо прикасается к струнам сердечной арфы и производит музыку слова, пронизанного надмирной энергией благодати... Недаром столь часто вспоминаемый нами святой апостол Павел называл проповедь *священнодействием*⁵⁰ и свидетельствовал, что его устами глаголет Сам Христос. Сказанное им повергает нас в страх... Ведь зачастую мы превращаем чудный словесный дар небрежением к нему или негодным его употреблением в причину собственного осуждения!..

ГЛАВА VI

Мера, всегда золотая

*Всё, что не в меру, — от лукавого
(отеческая мудрость)*

«Умеренность и аккуратность!»⁵¹ Кто с юных лет не помнит этих слов?.. Но как несправедливо мы их отвергали в школьном литературоведении, может быть, потому что они служили жизненным девизом отрицательного героя!⁵²

Всеобъемлющий символ — весы... Древние даже назвали так одно из созвездий... Не для того ли, чтобы мы, взирая на небо, вспоминали, что Бог *всё расположил мерою, числом и весом*⁵³, — и учились находить в своих занятиях золотую середину — добродетель воистину Божественную? Приложима она и к нашему предмету — словесности и словесному служению.

Совершенным почитается только то произведение, части которого пропорциональны

в отношении друг ко другу, отчего его признают прекрасным. Несоблюдение меры в искусстве, да и в самой жизни, имеет всегда отрицательные, а часто и плачевные последствия для деятеля. Приметим, что у Создателя не бывает «опережения планов». Его благая воля, *угодная и совершенная*⁵⁴, явлена в стройном и соразмеренном взаимодействии всех составных частей целого — Божьего мира, на котором лежит небесная печать целесообразности и красоты. Наше слово также должно быть соразмерным как восприятию слушателей, так и, в первую очередь, строю души **говорящего**, будучи её органичным порождением и «продолжением». Недаром говорят, что бессвязные, хаотичные слова более всего раскрывают и обличают неупорядоченность сердечных переживаний проповедника, а ещё хуже — бессистемность его мировоззрения. Речь, как и глаза, — зеркало души, отражение её глубинных дум и чаяний. Скажи мне несколько слов — и я не буду нуждаться более ни в каких рекомендательных письмах о тебе и представлениях со стороны...

Итак, **чувство меры** да будет в высшей степени присуще проповедающему! Пусть не увлечённые словом слушатели, а **он сам** следит за внутренним хронометром и внимательно наблюдает, как золотой песок речений мало-помалу истощается, перекочёвывая из ёмкости его души в сердечные сосуды собеседников. Дай Бог, чтобы наше слово было не в тягость, а в радость! Как было бы хорошо, если по окончании его слушатели, эти словесные младенцы, не желали бы оторваться от питающей их груди, насыщенные и умиротворённые неземной сладостью словесного молока!

Безусловно, чувство меры приходит не сразу, ценой многих проб и ошибок. Момент увлечения присутствует всегда, когда видишь перед собой широко раскрытые глаза заинтересованной аудитории. Однако, по мудрому присловию, «кто чем увлекается, тот тем и искушается»... Опасно искушаться самому, но ещё безрассуднее искушать других, тех, кто становятся заложниками твоей неумеренности в слове. А ведь последнее «пахнет» тщеславием и самоутверждением, которые особенно неприятны в

говорящем. Прекрасно изрёк некогда преподаватель Амвросий Оптинский, отличавшийся удивительной афористичностью речи, которая сверкала у него духовными блёстками Божественной премудрости: «Спасение не во многих словах заключается»⁵⁵...

Слово, подкреплённое сердечным благочестием говорящего, отличается внутренней убедительностью и покоряющей слушателя духовной силой. У таких проповедников, в действительности, «словам бывает тесно, а мыслям просторно»⁵⁶. Невозможно не признать, что талант находится в ближайших родственных отношениях с краткостью. Из сказанного, впрочем, не следует, что проповедающий обязан всегда говорить в «пятиминутном формате». Конечно, нет! Единственное, чего я пожелал бы себе и своим «собратям по цеху», — «блюсти регламент», ибо в точном следовании ему проявляется культура служителя слова и подлинное уважение к приглашённой его стороне. Согласимся: лучше остаться на кафедре по требованию слушателей и распространить слово, чем отмахиваться от предупредительного звона колокольчика,

потрясаемого председателем собрания. Вот он уже в третий раз просит «разбушевавшегося» лектора уступить место коллеге... но тщетно! Тот не внемлет, войдя в состояние самоупоения собственным словом. Верх бесчестия для незадачливого ратора, когда аудитория, будучи не в силах более переносить его нудную речь, сгоняет «демосфена» с кафедры... шумными аплодисментами — знак убийственной иронии и негодования.

Итак, лучше не договаривать, чем впасть в словесное излишество. Примем к сведению, что настоящее художественное произведение всегда остаётся несколько недосказанным. Во всяком случае, оно, по замыслу гениальных художников, бывает запечатлено некой безмолвной тайной, оставляющей главных героев, равно как и читателей (зрителей, слушателей), в состоянии глубокого размышления... Вспомним гоголевского «Ревизора», в последнем акте которого герои застывают в недоумении по поводу прибытия подлинного ревизора... А «Маленькие трагедии» Пушкина, представляющие читателей пред лицом вечнос-

ти, которая входит в повествование чрез кончину одного из главных действующих лиц... Так и наше слово пусть оставит в задумчивости слушателя, вынужденного сделать свой жизненный выбор... Этому учит нас и Сам Господь в Священном Писании: *Имеющий уши слышать, да слышит*⁵⁷... *Вот Я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло... Избери жизнь, чтобы жить*⁵⁸! Как убедиться, что слово наше не нарушило золотой меры? Плоды «умеренности и аккуратности» настолько явны и осязаемы, что просто невозможно ошибиться и «проглядеть» их. Это и **благодарственное расположение** аудитории к проповеднику, свидетельствующее о мгновенно возросшем интересе к духовному предмету собеседования; и **многочисленные вопросы**, связанные или не связанные с темой, которые показывают, что семя упало на добрую, разрыхлённую почву и дало обильные побеги... Наконец, это и **желание слушателей вступить в общение** с произнесшим слово. Последнее — самый дорогой знак личного доверия к нему как к служителю Отца нашего Небесного...

ГЛАВА VII

«Отверзу уста моя...»

*Начало положив, знай силу
завершенья⁵⁹...*

«Конец — делу венец», — говаривали наши мудрые предки, умевшие всякое предпринимаемое ими дело доводить до победного завершения. Однако в словес-

ном служении очень важно **правильно начать**. И это требует особого рассмотрения. Ведь «гостя встречают по одежке», а для нас, проповедников, одеянием служит наша собственная речь. «Куда ступить, что молвить» — первая забота «народного трибуна», входящего в аудиторию, может быть, совершенно ему незнакомую. О, как часто мы терпим неудачи из-за неумения положить зачин слову! Первое впечатление, если оно отрицательное, оказывается, к несчастью, самым сильным. Об этом говорят и психологи. Что «слон в посудной лавке», то человек «с пылу, с жару», «с места в карьер», «с корабля на бал» бросающийся на редут слушателей со словесным копьём наперевес!

Для того чтобы угостить и досыта накормить друзей, необходимо сначала затеплить лучину и потом разжечь русскую печь, доведя её до состояния «белого каления». Замесив тесто и начинив его по всем правилам кулинарного искусства, умелая хозяйка поставит в печь пироги, зорко следя за корочкой, чтобы она подрумянилась, но не подгорела, предвари-

тельно сдобрив её хорошенько маслом. Вот уже дымящиеся яства поставлены пред очами собравшихся, незаметно глотающих слюну при виде этого русского чуда. С Богом, кушать подано, пора начинать! Пусть не посетуют на меня дорогие читатели за это лирическое, хотя и не гоголевское отступление...

С чувством, с толком, с расстановкой и нам должно обращать своё слово к аудитории, **прежде** произведя «рекогносцировку на местности», приравливаясь к восприятию слушателей, состав которых не всегда возможно предугадать.

Но как осуществить эту «разведку боем»? Как уразуметь все психологические особенности публики, её настроение и расположение, готовность или неготовность воспринимать «высокие материи», возрастной и интеллектуальный ценз, местные реалии геополитического порядка, занимающие людей, и многое другое, что и перечислить невозможно? Ответ прост: нельзя идти по проторенным дорожкам, подменять живое слово раз навсегда заготовленными матрицами. Не-

обходим **элемент экспромта**, а значит, и **вдохновения**, которое вымаливается за-
года у Отца светов, щедро раздающего
всем желающим Свои небесные дары⁶⁰.

Думаю, что обязательно **должно состо-
яться «знакомству»** говорящего со слу-
шающими. Здесь я веду речь не столько о
представлении самого себя (что вполне
уместно и необходимо), сколько об уме-
нии выступающего «натянуть нити» об-
щения, вступить во взаимодействие умов
и сердец, привлечь и сосредоточить вни-
мание аудитории на предлежащем пред-
мете речи. Ведь святое дело будет
обречено на провал, если вялая и апатич-
ная, ко всему привыкшая и от всего устав-
шая публика не превратится в собрание
богоданных личностей, которые, оставив
всё и вся позади себя, приуготовятся к
слышанию «единого на потребу»⁶¹! Мне
кажется, все средства хороши, чтобы до-
стичь этой важной задачи. Впрочем, нет...

Представим себе проповедника, лектора,
миссионера, который начинает рассказы-
вать о себе и своих достижениях с плохо
скрытым тщеславием. Не лучшим будет

и тон искусственного самоуничижения, вызывающий в слушателе более пренебрежение, нежели сочувствие. Итак, крайности всегда достойны порицания...

А что если началом речи будет рассказ, обращённый к аудитории, о **самой** аудитории? Такова знаменитая боговдохновенная речь в Афинском ареопаге непревзойдённого оратора всех времён и народов святого апостола Павла... Помните его слово, раздавшееся среди верховного судилища гордых греков, прочно державших тогда пальму первенства в философии, искусстве, культуре средиземноморских народов?

...Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны; Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашёл и жертвенник, на котором написано: «неведомому Богу». Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам⁶²... Чуждый лицепрятия служитель Живого Бога **начинает с похвалы**, с того, что мы бы назвали сегодня комплиментом! Он единым словом согревает сердца слушателей, располагая их

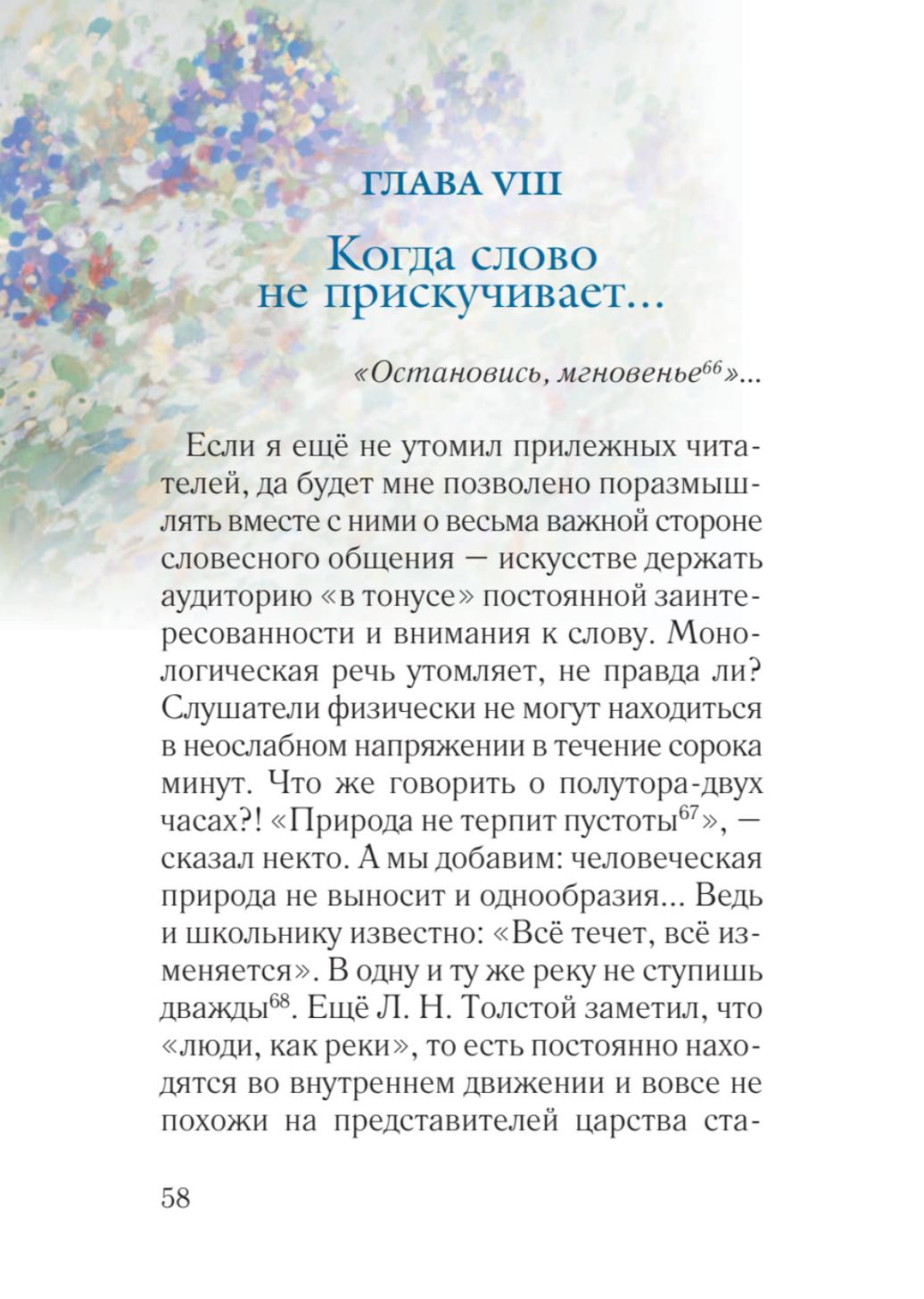
к доверию и вниманию, ибо и поныне «два чувства дивно близки нам»: «любовь к отеческим гробам» и «к родному пепелищу»⁶³. Нет лучшего способа «поднять» и воодушевить незнакомую аудиторию, чем описать, хотя бы кратко, красоты её земли, города, в двух словах отметить главные исторические вехи истории края и от души поблагодарить слушателей за гостеприимство, оказанные ими любовь и радушие; за открытость и искренность сердечного расположения к гостю. В зависимости от возрастного состава собравшихся пожелаем здоровья и крепости пожилым, свершения великих дел — юным, мира и согласия — супругам... — и можно приступать к раскрытию темы, уже принятой публикой, **принявшей и Вас** за умение дотронуться до сердец мажорным, но бережным прикосновением слова...

Сказав о начале, скажем и о завершении речи. Не будем забывать, что выступать ныне перед людьми в наш несущийся куда-то с несусветной скоростью век — это и великая честь, и ответственность!

Слушатели подарили Вам своё внимание, за которое борются ныне разом все сто каналов спутникового телевидения! Они доверили Вам свои бессмертные и разумные души, почтённые драгоценным образом Творца! Они отдали Вам частичку собственного сердца, если только Вы потрудились взять её, пришедши к ним с добрыми и чистыми намерениями. Кто более получает от общения душ посредством слова — говорящий или слушающий? Убеждён, что первый... «Что ты спрятал (своё слово), то пропало; что ты отдал (в своём словесном служении), то твоё», — изрекает великий Шота Руставели. Есть ли какая радость выше той, что веселит сердце проповедника, речь которого принята с верой и упованием? «И Божество, и вдохновенье»⁶⁴, слёзы, жизнь и любовь... — всё здесь! Вот почему слова благодарности, благодарности глубокой и искренней, непроизвольно сходят с уст того, кто предстоит своим слушателям в эти часы. Нам есть за что благодарить их: за терпение и снисхождение к немощи говорящего, за любознательность

и боголюбие — то есть готовность, оставив в стороне житейское и преходящее, слушать о духовном, согреться в лучах «неподвижного Солнца любви»⁶⁵, глашатаем Которого, дай Бог, быть всем нам!

Пустеет аудитория, заданы все вопросы, розданы благословения, замолк проповедник. Но кажется, остаётся на месте собрания тихий Ангел, который незримо вкладывал слова в уста говорившего и кончиком своего лёгкого крыла отверзал сердца слушавших...

ГЛАВА VIII

Когда слово не прискучивает...

«Остановись, мгновенье⁶⁶»...

Если я ещё не утомил прилежных читателей, да будет мне позволено поразмышлять вместе с ними о весьма важной стороне словесного общения — искусстве держать аудиторию «в тонусе» постоянной заинтересованности и внимания к слову. Монологическая речь утомляет, не правда ли? Слушатели физически не могут находиться в неослабном напряжении в течение сорока минут. Что же говорить о полутора-двух часах?! «Природа не терпит пустоты⁶⁷», — сказал некто. А мы добавим: человеческая природа не выносит и однообразия... Ведь и школьнику известно: «Всё течет, всё изменяется». В одну и ту же реку не ступишь дважды⁶⁸. Ещё Л. Н. Толстой заметил, что «люди, как реки», то есть постоянно находятся во внутреннем движении и вовсе не похожи на представителей царства ста-

лактитов и сталагмитов, навеки застывших в «пещерах каменных»⁶⁹... Всё это нужно знать проповеднику, в задачу которого вовсе не входит, прикоснувшись к душам «зелёной палочкой» своего слова, в подражание античной Горгоне⁷⁰, превращать их в окаменелости, не способные уже более ни слушать, ни воспринимать речь. Кто виноват? Конечно, не слушатели. Но спрос **с нас!** Всеми виной наша монотонность, а значит, равнодушие к предмету речи. Достойны порицания: нечленораздельное произнесение слова, считывание текста «по бумажке», ложный пафос и искусственность интонаций; и, наконец, «наукообразное» слово с пресловутым «академическим стилем» повествования⁷¹.

Однако, и избавившись от упомянутых недостатков в деле проповедания, мы ещё не имеем основания «почивать на лаврах». Как бы ни было содержательно наше выступление, как бы хорошо мы его ни излагали, необходимо помнить, что слушатели не могут находиться всё время в состоянии натянутой тетивы... Утомление незаметно подкрадывается и к тому, кто сидит не ше-

лохнувшись, боясь упустить хотя бы одно слово, сходящее с уст говорящего. Особенно это справедливо, если речь идёт о продолжительной беседе или лекции, не ограниченных жёстким регламентом. Что же подскажет нам искусство слова?

Прежде чем ответить, я бы предложил вам вместе со мной заглянуть в оркестровую яму, в которой располагаются музыканты вокруг дирижёра с развёрнутой перед ним партитурой. Дирижёрская палочка летает в воздухе, исполняется произведение сложной музыкальной формы — симфония... Всё в гениальном сочинении подчинено главной теме, но она то ускользает и почти исчезает в вариациях, то вновь звучит победоносно и отчётливо, поддерживаемая и струнными, и духовыми инструментами. Вот темп замедляется до лирической, протяжной мелодии... и вдруг обрушивается на вас каскадом, водопадом звуков, наподобие боевой конницы, несущейся по полю сражения с грозными, победными кличами. Это удивительное многообразие звуков, темпа, силы, многоголосие инструментов подобны самой жизни, которая никогда

нам не наскучивает, но всегда свободно влечёт нас к себе и с собою — в грядущее, к вратам вечности...

Таким, именно таким должен быть тот, кто, воодушевляемый Божией благодатью, искушённый многолетним опытом, простирает к слушателям своё слово, мудрое, звучное, живое, действенное!.. Пусть в нашем выступлении будет всё: и словесные зарисовки природы, отражающей внутреннее состояние человека, и мощное русло нравственной проповеди, которая свидетельствует о величии неизменного закона Божия средствами «высокого штиля», то есть подлинно могучего русского литературного языка... Не следует пренебрегать тёплой, доброй шуткой, всегда уместной, если она снимает возросшее напряжение аудитории, но не переступает границ, заданных самой серьёзностью темы. Однако надлежит **вовсе** избегать сарказма и злой иронии, выставляющих говорящего совсем не в выгодном для него свете.

Полезен и очень полезен мягкий юмор, особенно при ответах на весьма неожиданные, но, по большей части, заданные

от чистого сердца вопросы. Думаю, проповедник никогда не ошибётся в выборе тональности своего слова (каким бы острым ни был предмет речи), если он изначально вооружится пушкинским девизом, ставшим credo — творческим исповеданием — служителя русской словесности: «И долго буду тем любезен я народу... что в мой жестокий век восславил я свободу и милость к падшим призывал»⁷². Пробуждая в сердцах «чувства добрые», будем трепетно прикасаться к нашей словесной лире, остерегаясь и единой неверной, фальшивой ноты — пошлого словечка, двусмысленной интонации, легкомысленного смешка. Сейчас как никогда силён соблазн у проповедников — опускаться до огрубевших вкусов публики, подыгрывая сомнительным «молодёжным» темам. Убеждён, что от нас ждут другого! Русский народ ныне изнемогает под гнётом многоголовой гидры западного, то есть гнилого образа жизни и мысли. И дело отечественного проповедника — напомнить ему о наследии духа и слова, оставленном нам в залог великими предками.

Дай Бог, чтобы каждый из нас нёс в себе и с собой культуру духовного, подлинно классического слова, которое вбирало бы в себя всё: и вечные глаголы евангельские, прозу и поэзию наших гениев, нередко поднимавшихся на высоту пророческих прозрений. Вспомним, кем были для русского просвещённого общества святители Платон и Филарет, Игнатий и Феофан, произведения которых, наравне с пушкинскими и лермонтовскими шедеврами, переписывались, передавались из рук в руки, из уст в уста, становясь «преданием». Оно ещё при жизни их авторов вошло в золотой фонд отечественного духовного слова. Может быть, кто-то сочтёт слишком высокой патетику этих строк, но непреложна истина слов Христовых: *Кому много дано, с того много и спросится*⁷³. Как бы глубоко ни погрязал во лжи, пошлости, жестокосердии и невежестве XXI век, «чему бы жизнь нас ни учила, но **сердце верит в чудеса**»⁷⁴! Верит и надеется, что родная земля ещё породит нам **отечественных златоустов**, мужей разума и силы, которые, по слову вещего сердца, «восстанут и восстановят поправное»⁷⁵...

ГЛАВА IX
«Второе дыхание»

Окрылатеют и полетят, как орлы⁷⁶

Кому-кому, а служителю слова дано знать на собственном примере и опыте, что́ есть слабость и немощь человеческая... Прекрасно говорит об этом святой Иоанн Златоустый в своём знаменитом произведении «О священстве». Взыскательная публика всегда ждёт от проповедника словесного

огня, глубоких мыслей, едва не откровения. Она по наивности полагает, что в его сердце всегда живут перлы красноречия, которые тотчас превращаются в живые благоуханные розы, едва лишь он отверзет уста и обратит к людям своё слово... Аудитория менее всего склонна помнить во время проповеди, что говорящий — тоже человек, а значит, «ничто человеческое ему не чуждо»⁷⁷. Домашние огорчения и заботы, недостаток времени для подготовки, предательское волнение от неожиданно возникшей помехи за минуту до выхода к народу — чего только ни случается в нашей жизни, как, наверное, в судьбе всякого человека, деятельность которого связана с общественным служением! Кто поверит нам, если мы признаемся, что иногда «язык прилипает к гортани»⁷⁸, а во рту как будто лежит камень, да ещё такой величины, что и сам Демосфен в этом положении остался бы безгласным?

А знаете ли вы, уважаемые читатели, что слово проповедающих «бессильно там, где сердца слушающих не растворены верой»⁷⁹? Святой праведный Иоанн Кронштадтский

своей молитвой сдвигал севшие на мель баржи и воскрешал мёртвых... Однако и он признавался, какие великие душевные усилия ему приходилось затрачивать, чтобы пробиться через коросту маловерия и рассеянности слушателей, покуда огонь его молитвенного слова не растеплял души человеческие, так что те становились доступными воздействию Божьей благодати... То были «богатыри — не мы, а нынешние, ну-тка!»⁸⁰ Но... «дорогу осилит идущий».

Совершенно естественно для слабого человека чувствовать минутное бессилие перед началом дела, превышающего его способности. Ведь цель и смысл нашего служения — не просто сообщить, передать и без того всем знакомые «прописные» истины, но «глаголом жечь сердца людей»⁸¹... Это значит прикоснуться, расшевелить, разбудить спящую в греховном усыплении совесть, пробудить лирой слова «чувства добрые», подвигнуть (если Бог даст) собеседников к покаянию, воодушевить их с новой решимостью идти узкой евангельской тропой «бескорыстной любви». Сила Божия совершается в немощи человеческого слова,

если оно исходит от сердца «сокрушенного и смиренного»⁸², искренно верующего в истину произносимого...

Итак, не будем смущаться кажущейся тяжестью, неповоротливостью первых вступительных предложений. Бывает, говорящий тщательно подыскивает слова для воплощения своих мыслей, речь его нарочито замедленна, он движется как будто ошупью, в темноте, по неровной, изобилующей рытвинами дороге. Избранный им предмет слова, наподобие тусклого светильника, едва-едва освещает путь, то скрывающийся за поворотом, то вновь обретаемый под ногами. Не видно ни улыбок, ни сочувственных взоров публики, которая иногда бывает насторожена, иногда равнодушна, как бы и вовсе не готова к духовному собеседованию. Проходит минута — вторая... и — о чудо! Благодать Господня, содействующая всякому нашему благу начинанию, приходит и явственно помогает своему наперснику. Вязкие дотоле уста обретают свободу и внутреннюю силу. Мудрые мысли в таком обилии осеняют сердце, что слова едва поспевают за ними,

уже не встречая никакого сопротивления на своём пути. Слово разворачивается в душе говорящего, наподобие паруса, который не висит безвольно и безжизненно куском простой ткани, но, как белоснежное крыло, трепещет от ударов морского бриза, весело влекущего судно по покрытым барашками лазурным волнам. Вот оно — вдохновение!

Проповедник чувствует под собой легендарного крылатого коня, который возводит его вместе с аудиторией на высоту духовного слова. В публике происходит изменение. Она пробуждается, оживает на глазах. Раскрываются уши, уста, глаза, сердца! *Всё возможно верующему*⁸³, — свидетельствует Слово Воплощённое. И действительно, «бывает день, бывает час», когда для произносящего слово уже нет ничего невозможного. Ему удаётся всё, что он ни задумает... Налицо внутренняя непротиворечивость мысли, неотразимая сила убеждений, живописная яркость образов и сравнений, высокая патетика и тут же благородное снижение стиля, необходимое для размышления о предметах маловаж-

ных... Слово, произнесённое с подлинным вдохновением, как правило, не нуждается в заучивании: сама стройность композиции и пропорциональность его частей делает это излишним. Оно будет передаваться из уст в уста и даст обильную жатву в сердцах слушателей, при том что наибольшую пользу по произнесении его обретёт в своей душе сам проповедник...

Не забудем же тогда, о други, воздать благодарность Подателю всякого благого слова, Тому, Кто назидает одновременно и говорящего, и слушателей... *Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу*⁸⁴... Это благодарственное устремление мыслей и чувств к Богу является отличительным плодом собраний православных христиан, уносящих с собой по завершении слова **небесную духовную радость**, незнакомую, к сожалению, многим и многим нашим соотечественникам, находящимся в добровольной темнице неведения Живого Бога...

An impressionistic painting of a landscape. The scene is dominated by a path or road that winds through a field. The colors are soft and blended, with a palette of light blues, greens, oranges, and yellows. In the distance, a few small figures can be seen walking along the path. The overall style is characteristic of Impressionism, with visible brushstrokes and a focus on light and color over fine detail.

ГЛАВА X

«Любовь подыщет слова»

«Ещё одно, последнее сказанье⁸⁵...»

Каждый священник помнит из семинарского курса лекций замечательный термин — «пастырское применение». Умение «примениться» к человеку — подлинное

искусство, за которым стоит и молитвенная глубина сердца, и высокая культура души, и определённый интеллектуальный уровень. Вспомним известные тютчевские строки: «И нам сочувствие даётся, как нам даётся благодать»⁸⁶... Бог туне⁸⁷ ущедряет верные Ему души, желание и готовность которых получить дар доказываются упорным и постоянным трудом. Человеческие усилия необходимы, ибо они приуготовляют место для дара Божия, но венчает успехом всякое дело Сам Бог.

Что же такое «применение»? Способность священника (да и всякого доброго человека) максимально раскрыть свою душу навстречу ближнему, услышать, как бьётся его сердце, понять, чем дышит его душа с её затаёнными чаяниями и переживаниями. Действительно, не худо прежде познакомиться с убеждениями человека, уразуметь, чем он дорожит и от чего отвращается, а затем уже обратиться к нему слово о самом главном...

Итак, сначала должно научиться слушать и слышать, а потом говорить.

Важно полюбить того, к кому ты простираешь своё слово. **«Применение» есть умение входить в душевный резонанс с сердцем ближнего.** Бог вспомоществует в этом своему пастырю. Энергия сочувствия и любви исходит от его доброжелательного взора, сквозит в его речах, пронизывает всё существо «ловца душ человеческих»⁸⁸. Любящий бескорыстен. Объятый пастырской любовью деликатен и осторожен в общении, он приближается к человеческой душе так же бережно, как мы склоняемся к только что распустившемуся цветку, чтобы обнять едва уловимое благоухание. Только духовно неосведомлённые люди или находящиеся в состоянии головокружения от собственных мнимых проповеднических или миссионерских успехов «наскидывают» на собеседников, словно лихие кавалеристы с шашками наголо. Будем помнить: человеческая душа болезненно «морщится» и сжимается, тотчас выставляя мысленную защиту, едва лишь почувствует малейшее давление на свою богоподобную сущность.

Представим себе белоснежную морскую раковину, покоящуюся на морском дне и доверчиво раскрывшую створки навстречу неуловимым колебаниям водной стихии. Багряные, пурпурные махровые одеяния моллюска великолепны! Они сокрывают под своим балдахином жемчужину, которая, как верили древние, зарождается от молнии, прорезающей лучом света толщу морской воды. Но вот неосторожное прикосновение к раковине ныряльщика, бестрепетного охотника за жемчугом... Мгновенно смыкаются её створки и не откроются вновь, пока не минует опасность... Такова и бессмертная, разумная душа, созданная Творцом для Него Самого и животворимая единственно Божией благодатью. Что в сравнении с её действием психологическое давление или неуместная настойчивость катехизатора, который дежурными фразами призывает подопечных каяться и исправляться, «осчастливливая» их своим «незаменимым» руководством?

Только Христова **любовь**, усвоенная личным покаянным и молитвенным по-

двигом проповедника, **умеет «подыскивать нужные слова»**, по выражению святителя Тихона Задонского. Её речи будут точны и верны, ибо соответствуют строю души слушателя, находятся в согласии с его внутренним устройением. Они признаются и принимаются аудиторией как хорошо знакомые, родные, единственно нужные и насущные. Слова, продиктованные любовью, несут в себе непонятную, но приятную новизну для тех, кому предназначены. Выношенная и вынесенная из сердечного тигля проповедника речь раскрывает пред его слушателями духовные горизонты, вводит их внимание в сокровенную страну духа, где всё так «торжественно и чудно»⁸⁹... Слово правды и любви само становится ваятелем, зодчим, ибо пронизано благодатной зиждательной силой. Действие этого слова едва ли может быть изъяснено в рамках сухих рационалистических понятий. Проповедник лишь подмечает эти действия, прежде ощущая их в самом себе.

Знакомо ли вам, читатели, чувство птенца, который, только что оперившись,

впервые раскрыв за спиной крылья, вдруг обретает способность держаться с их помощью в воздухе, а затем и скользить в воздушной струе? Подмечал ли кто-нибудь из вас, как при первых утренних лучах раскрываются нежные лепестки соцветий и распрямляется трава, ещё обрызганная душистой росой?

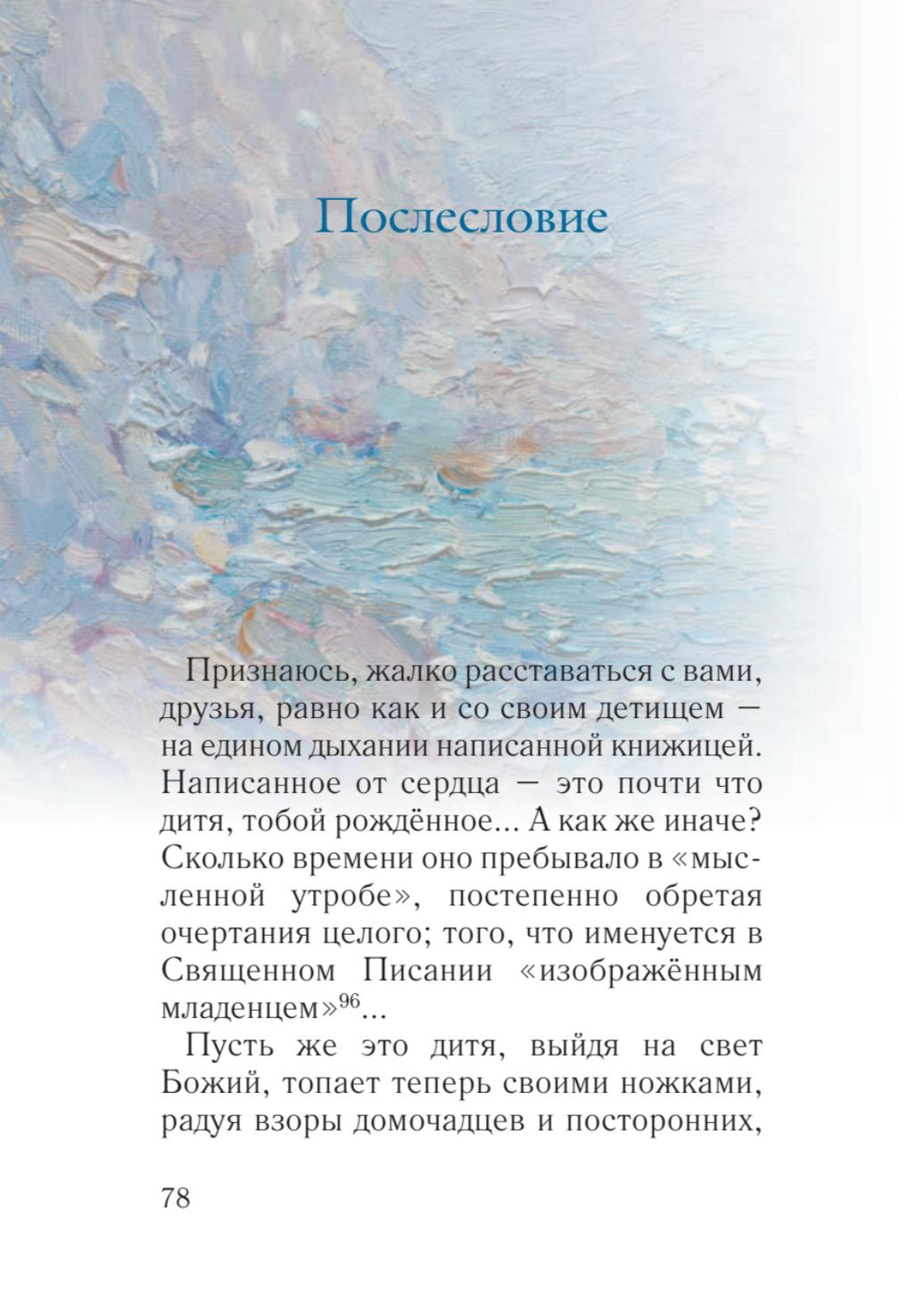
*Плод же Духа любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание*⁹⁰... Эти плоды взращивает духовное слово, горчичным семенем упавшее на ниву человеческих сердец.

Если твоя речь богоугодна и не противится благодати, ты увидишь все перечисленные дары в твоих слушателях по завершении слова. Пусть это будут лишь начатки, однако, будь уверен, сеяние состоялось, а *река Божия наполнилась вод*⁹¹. Радостные улыбки собеседников, как будто озарённых изнутри светом небесной мудрости; глаза, наполненные смыслом и разумом, словно увидевшие пред собой золотой путь заповедей Христовых, шествие по которому претрудно...

но и легко для усердных и ревностных учеников... И конечно, десятки вопросов, требующих своего незамедлительного разрешения. Вопрошающая душа самими своими недоумениями свидетельствует о поселившейся в ней благодатной жизни. Напротив, мертвенность сердца, неподвижность ума, отсутствие всякого интереса к вопросам духа — тревожный симптом *кораблекрушения в вере*⁹².

Проповедник! Остерегись приписать себе и своим заслугам Богом данный неожиданный успех! Сочти себя, по справедливости, лишь смиренным и недостойным словесным орудием, неказистым инструментом воли Божией, *хотящей всем спастись и в разум истины прийти*⁹³. Пойми, что ты вывел своих слушателей на священную войну с *миродержителями тьмы века сего*⁹⁴! Горе тебе, если проповедуя другим, ты сам остаёшься неключимым (никуда не годным) работ⁹⁵, не желая и не умея смирить и поработить Евангелию своё собственное тело! А паче всего, воздай славу Господу, Который, не имея в том нужды, воспользовался

твоими устами, чтобы произвести в земном мире Своё благодатное действие. Именно Он, а никто иной, воссоздал чистоту, порядок и красоту в человеческих душах, ниспослав им свыше Свой чудный свет богопознания. Проводником этого света стало твоё слово...

Послесловие

Признаюсь, жалко расставаться с вами, друзья, равно как и со своим детищем — на едином дыхании написанной книжицей. Написанное от сердца — это почти что дитя, тобой рождённое... А как же иначе? Сколько времени оно пребывало в «мысленной утробе», постепенно обретая очертания целого; того, что именуется в Священном Писании «изображённым младенцем»⁹⁶...

Пусть же это дитя, выйдя на свет Божий, топает теперь своими ножками, радуя взоры домочадцев и посторонних,

«незнакомых прохожих»! А родители, взирая на чадо своей любви, уже думают о его будущности, уже видят в нём возрастного юношу, если не убелённого сединами старца... И точно! Ведь сколько новых дум, тем, постижений ложится на сердце пишущего в самом творческом процессе! Сказано немало, но и несказанного — непечатый край. Верю, что написанная с любовью к читателю работа будет востребована, а значит, продолжена. Признаюсь в общеизвестном: одним из главных стимулов к писательскому труду является реакция и оценка тех, для кого всё и предпринимается...

Впрочем, как Бог даст. Каждому надлежит делать в «этом мире большом» своё дело, данное ему свыше. Сеятель да сеет ещё, куда приемлет семя прогретая солнечными лучами земля сердец человеческих...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А. С. Пушкин «Отцы пустынноики и жены непорочны»

² Ср.: Пс. 110, 3

³ См.: 1 Тим. 6, 16

⁴ А. С. Пушкин «О сколько нам открытий чудных...»

⁵ Слова Евгения Базарова из романа И. С. Тургенева «Отцы и дети»

⁶ См.: Лк. 12, 35

⁷ См.: 1 Пет. 3, 4

⁸ Ср.: Притч. 15, 13

⁹ Кол. 4, 6

¹⁰ М. Ю. Лермонтов «Молитва»

¹¹ См.: Мф. 5, 16

¹² См.: Лк. 10, 41–42

¹³ С греч. — тишина, покой, отрешённость. В православной аскетике соответствует понятиям «безмолвие ума», «священнобезмолвие»

¹⁴ 1 Фес. 5, 16

¹⁵ Герой драмы А. М. Горького «На дне»

¹⁶ См.: Кор. 2, 15

¹⁷ См.: 1 Фес. 5, 16, 18

¹⁸ См.: Пс. 106, 10; Мф. 4, 16; Лк. 1, 79

¹⁹ Мк. 1, 22

²⁰ А. С. Грибоедов «Горе от ума»

- ²¹ Иак. 1, 17
- ²² А. С. Пушкин «Памятник»
- ²³ Там же
- ²⁴ А. С. Пушкин «К***»
- ²⁵ Там же
- ²⁶ Ин. 3, 30
- ²⁷ Пс. 54, 22
- ²⁸ Иак. 4, 6
- ²⁹ 3 Цар. 19, 12
- ³⁰ 1 Ин. 2, 27
- ³¹ См.: 2 Пет. 3, 1
- ³² См.: Ис. 11, 2
- ³³ Пс. 11, 7
- ³⁴ А. С. Пушкин «Сказка о царе Салтане»
- ³⁵ См.: Пс. 11, 2
- ³⁶ С лат.: «разумного человека»
- ³⁷ См.: Ф. И. Тютчев «О чём ты воешь, ветер ночной?..»
- ³⁸ См.: Еф. 5, 6
- ³⁹ 2 Пет. 1, 4
- ⁴⁰ То есть в состоянии спячки, невыявленности
- ⁴¹ А. С. Пушкин «Евгений Онегин»
- ⁴² См.: Ин. 1, 4
- ⁴³ Ф. И. Тютчев «Есть в осени первоначальной...»
- ⁴⁴ См.: Ин. 15, 1–7
- ⁴⁵ См.: Пс. 113, 21
- ⁴⁶ А. С. Грибоедов «Горе от ума»

- ⁴⁷ Ср. пушкинскую «лесов таинственную сень»
- ⁴⁸ Обращаем особое внимание на труды святителей Русской Церкви — святых епископов Игнатия (Брянчанинова) и Феофана Затворника (Говорова)
- ⁴⁹ Рим. 8, 26
- ⁵⁰ Рим. 15, 16
- ⁵¹ А. С. Грибоедов «Горе от ума»
- ⁵² Имеется в виду образ Молчалина из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»
- ⁵³ Прем. 11, 21
- ⁵⁴ Рим. 12, 2
- ⁵⁵ См. письма преподобного Амвросия Оптинского к монашествующим и мирянам
- ⁵⁶ Н. А. Некрасов «Форма. Подражание Шиллеру»:
Правилу следуй упорно:
Чтобы словам было тесно,
Мыслям — просторно
- ⁵⁷ Мф. 13, 9
- ⁵⁸ См.: Втор. 30, 15, 19
- ⁵⁹ По-видимому, слова, принадлежащие самому автору (прим. ред.)
- ⁶⁰ См.: Иак. 1, 17
- ⁶¹ См.: Лк. 10, 42
- ⁶² Деян. 17, 22–23
- ⁶³ А. С. Пушкин «Два чувства дивно близки нам...»
- ⁶⁴ А. С. Пушкин «К ***»

⁶⁵ См.: В. С. Соловьев «Бедный друг, истомил тебя путь...»

⁶⁶ И. В. Гёте «Фауст»

⁶⁷ Выражение принадлежит древнегреческому философу Аристотелю

⁶⁸ Ср. знаменитое изречение Гераклита: «Всё течёт, всё изменяется, и нельзя дважды войти в одну и ту же реку» (прим. ред.)

⁶⁹ Выражение взято из арии индийского гостя из оперы Н. А. Римского-Корсакова «Садко»

⁷⁰ Авторская аллюзия: совмещение античного персонажа с образом, взятым из воспоминаний о детстве Л. Н. Толстого (см.: «Яснополянские записки» доктора Д. П. Маковицкого)

⁷¹ Речь идёт здесь о жанре беседы с широкой аудиторией

⁷² Я вновь повторяю здесь пушкинские слова, подняться на высоту которых дано только подлинному ученику Воплощённого Слова (прим. автора)

⁷³ См.: Лк. 12, 48

⁷⁴ Ф. И. Тютчев «Чему бы жизнь нас ни учила»

⁷⁵ Ссылка на пророческие слова о возрождении России старца Глинской пустыни иеромонаха Порфирия (Левашова), скончавшегося в 1868 году: «Со временем падёт вера в России. Блеск земной славы ослепит разум. Слова Истины будут в поношении, но

за веру восстанут из народа неизвестные миру и
восстановят поправное»

⁷⁶ См.: Ис. 40, 31

⁷⁷ Ср.: «Я человек, и ничто человеческое мне не
чуждо» (лат. Homo sum, humani nihil a me alienum
puto) – фраза из комедии римского писателя
Теренция «Самоистязатель» (1, 1, 25), которая
является переделкой комедии греческого писателя
Менандра

⁷⁸ Ср.: Пс. 136, 6

⁷⁹ См.: Евр. 4, 2

⁸⁰ Вольная цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова
«Бородино» и комедии А. С. Грибоедова «Горе от
ума» (прим. ред.)

⁸¹ См.: А. С. Пушкин «Пророк»

⁸² См.: Пс. 50, 19

⁸³ Мк. 9, 23

⁸⁴ Пс. 113, 9

⁸⁵ А. С. Пушкин «Борис Годунов»

⁸⁶ Ф. И. Тютчев «Нам не дано предугадать...»

⁸⁷ То есть даром

⁸⁸ Ср.: Мф. 4, 19

⁸⁹ М. Ю. Лермонтов «Выхожу один я на дорогу...»

⁹⁰ Гал. 5, 22–27

⁹¹ Пс. 64, 10

⁹² 1 Тим. 1, 19

⁹³ 1 Тим. 2, 4

⁹⁴ Еф. 6, 12

⁹⁵ Ср.: 1 Кор. 9, 27

⁹⁶ См. в славянском переводе: Исх. 21, 22

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия	3
Вступление	7
ГЛАВА I	
Сокровенная молитва	10
ГЛАВА II	
Прекрасен лик одушевленный...	16
ГЛАВА III	
Победоносное смирение	24
ГЛАВА IV	
<i>Словеса Господня, словеса чиста...</i>	30
ГЛАВА V	
Созидается град при слиянии двух рек...	36
ГЛАВА VI	
Мера, всегда золотая	44
ГЛАВА VII	
«Отверзу уста моя...»	50
ГЛАВА VIII	
Когда слово не прискучивает...	58
ГЛАВА IX	
«Второе дыхание»	64
ГЛАВА X	
«Любовь подыщет слова»	70
Послесловие	78
Примечания	80

*Просьба к читателям
вознести молитву
о здравии семейства Еришовых:
Михаила, Маргариты, Галины
и Симеона, оказавших
бескорыстную помощь
в издании этой книги*

Протоиерей
Артемий Владимиров

*Искусство
словесного служения
Размышления священника*

Художник Татьяна Годовальникова
Редактор Елена Путинцева
Дизайн Виктор и Анна Кладницкие

Подписано в печать 12.10.2010
Формат 115X165, 6 УПЛ
Гарнитура «Лазурский». Тираж 3000 экз.

ЦДС АНО «Артос»
107140, Москва, 2-й Красносельский пер. д 5, стр. 1
т/ф (499) 264 5791, www.ks-artos.ru

© Протоиерей Артемий Владимиров

ISBN 978-5-94119-040-9